

СЕРГЕЙ
Зверев

**Стальные
стрелы**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

ЭКСМО

Спецназ

Сергей Зверев

Стальные стрелы

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Стальные стрелы / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Спецназ)

Сотрудникам ФСБ становится известно, что американцы собираются вооружить чеченских боевиков новейшими зенитными комплексами. Первая партия зениток уже в пути, получатель – один из самых влиятельных полевых командиров Чечни. Принято решение остановить оружейный трафик силами отряда специального назначения, куда входят только элитные бойцы, на счету которых не один десяток успешно выполненных боевых задач. А успех в предстоящем деле крайне важен: оружие ни в коем случае не должно попасть в руки бандитов, иначе война на Кавказе разгорится с новой силой...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Сергей Зверев

Стальные стрелы

Воздушный лайнер медленно ложился на крыло, разворачиваясь над освещенным солнцем морем. Молодой человек, сидевший у иллюминатора, на стороне самолета, которая поднялась при повороте, еле слышно вздохнул и откинулся в кресле. Пока самолет не займет горизонтальное положение, он не сможет смотреть вниз, на безостановочно катящиеся волны. Это зрелище здорово успокаивало пассажира, который, по мере того как самолет приближался к аэропорту, волновался все больше и больше.

Офицер ЦРУ Фарух летел выполнять первое в его жизни задание. Ну, даже не первое, если уж быть точным. Да, не первое... но вот выполнять свою миссию в одиночку он будет в первый раз... точно так же и отвечать за провал всей операции, если она последует. Именно эта мысль беспокоила Фаруха, крутилась в голове и не давала полностью расслабиться. А ведь сразу по приезде ему придется очень активно работать, организовывать переброску оружия из Азербайджана в Россию. И надо будет думать. Думать! А голова у Фаруха сейчас тяжелая, его слегка укачало... Приземлятся они через сорок минут, до вечера еще далеко, когда можно лечь на хрустящие простыни и закрыть глаза, до этого еще очень далеко...

Фарух в очередной раз постарался взять себя в руки. Чего он так нервничает? Ведь не первый раз оружие перебрасывается в Чечню. Этот канал давно отлажен и четко работает. Ведь не было еще ни одного сбоя, как ему сказал шеф! Правда, лучше бы об этом ему сказал сам Джонни. Но Джонни, который организовывал эту сеть и три года был ее бессменным куратором, увезли в больницу с сердечным приступом, и в Азербайджан отправили Фаруха, который даже не успел и парой слов перебраться со своим коллегой. Несмотря на молодость и небогатый опыт, Фарух за четыре года работы в «фирме» уже успел понять, что русская поговорка: «Гладко было на бумаге...» как нельзя лучше отвечает специфике работы в разведке. Все предусмотреть невозможно... и что простят опытному разведчику, который имеет за своей спиной массу удачных операций, то не простят юнцу, с ходу провалившему свою первую разработку.

Молодой турок, получивший образование в США и там же замеченный специалистами из «конторы», понимал русский язык, но свободно не говорил. Его бабушка, азербайджанка по национальности, преподаватель русского языка и литературы, успела привить внуку некоторые познания в великом и могучем, хотя отсутствие практики сказалось. За многие годы Фарух утратил легкость произношения, но по-прежнему понимал русских, за тем редким исключением, когда они начинали говорить на специфическом жаргоне. Скорей всего эта деталь биографии также сыграла свою роль при его назначении.

Фарух снова поморщился и нетерпеливо посмотрел в иллюминатор. У него уже затекли ноги... От неудобного положения онемела шея... Но вид моря, необъятного, такого необъятного, что в это можно поверить только тогда, когда сидишь в самолете, успокаивал, умиротворял его...

«Ну, вот что может случиться? – спрашивал себя Фарух в который раз, пытаясь унять то неприятное, сосущее ощущение, которое обычно предшествует неудаче. – Почему я так уверен в том, что должна произойти какая-то неприятность? Нервы сдают? В таком возрасте? Или я не годен для работы? Ведь нельзя же начинать операцию с таким настроением! Шеф даже запрещает за руль садиться в таком состоянии!» В конце концов, ему надоело это самокопание, и он разозлился, как любой человек, который загнал в угол самого себя и не видит выхода.

«За три года ни одного провала! – раздраженно принялся успокаивать себя разведчик. – Да и какие могут быть сейчас провалы в России, тем более в Кавказском регионе... невероятный разгром когда-то мощного государства. Кто бы мог подумать, что мы сумеем разва-

лить Советский Союз! Это то же самое, что если бы русским удалось расчленив США на маленькие независимые штаты, выживающие кто как может. Джонни нашел нужных людей, правильно оценил обстановку, сделал верные выводы, сумел выбить хорошее финансирование, и вот результат – грузовики с оружием беспрепятственно проходят через границу и благополучно разгружаются в Чечне. И все это продлевается под носом у КГБ, которое даже не обращает на это внимания, а скорей всего не обращает потому, что сейчас эта организация точно так же развалена, как и вся страна. Моему предшественнику удавалось хорошо удить рыбку в мутной воде, а чего ее не ловить, если шериф, который должен был давно уже засадить Джонни в кутузку, внезапно исчез, а новый все никак не показывается. Это просто поразительно, до какой степени докатилась Россия, если в ее южных регионах разведка США прокручивает любые немыслимые комбинации, совершенно не опасаясь ответных акций и уж тем более каких-либо серьезных контрразведывательных мер. В общем, если посмотреть со стороны, то у меня имеются все условия для успешной работы... канал налажен, деятельность КГБ... или как там сейчас – ФСБ – практически не эффективна... – уже спокойно подвел итог своих размышлений молодой агент. – Главное, самому не надеть глупостей, это будет похоже на то, как если я не забью гол в совершенно пустые ворота, да еще оставшиеся без вратаря».

Далеко, очень далеко, в легком светлом тумане, который затянул на горизонте границу моря и воздуха, над блестящим крылом самолета Фарух рассмотрел тонкую темную полосу.

«Подлетаем... ну, Джонни иногда менял людей... я смотрел его отчеты... и не один раз. А почему? Ему было на месте виднее... ну и что... он подбирал других, и доставка продолжала работать... полтора месяца назад все прошло как по маслу. А сейчас что, не пройдет?.. Да пошел ты, Фарух, с таким настроением! Тогда бери сразу обратный билет! Что, не хочешь? Тогда сделаем так, мой уважаемый разведчик! Проведем переброску оружия точно так же, как это делал Джонни. Это раз! Получится – хорошо! Не получится... должно получиться, хватит нервничать, в конце концов, возьми себя в руки! Но только после этого ты никуда не улетишь, а останешься здесь, пока детально не познакомишься со всей системой. Это на будущее, чтобы лично быть уверенным в каждом винтике этой сети. Это два... а сейчас, если быть честным, ты ни в чем не успеешь разобраться, тебе просто надо положиться на Всевышнего, и он сделает все так, как надо, я уверен в этом хотя бы потому, что у меня просто нет выбора, мне ничего другого не остается».

Молодой черноволосый человек с чисто выбритым лицом впервые за весь рейс задумчиво кивнул головой, успокаиваясь, улыбнулся и оторвался от иллюминатора.

* * *

– Разрешите, товарищ генерал? – В большую дубовую дверь протиснулся оперативник и замер на пороге, глядя на хозяина кабинета. В положительном ответе он не сомневался, ему полчаса назад позвонила секретарша и назначила время приема, но этикет остается этикетом, и будь у тебя хоть достоверная информация о высадке инопланетян на северных склонах Кавказского хребта, то все равно надо спросить разрешения на то, чтобы озвучить ее.

– Проходи, Мурат, – кивнул высокий, грузный человек в форменной рубашке с генеральскими погонами. Он откинулся в кресле, которое скрипнуло под его весом, и расстегнул пуговицу на воротнике рубашки. Окна кабинета были открыты, и теплый летний воздух вливался в просторное помещение, слегка шевеля светлые легкие шторы.

Мурат, плотный кавказец с густыми усами, несколько раз мигнул, чтобы скрыть незлую усмешку в глазах, и шагнул к длинному полированному столу.

Начальник Северо-Кавказского РУБОПа имел кличку «Шкаф». Он соответствовал своему прозвищу. Огромный, очень внушительного вида мужчина за два метра ростом и весом более сотни килограммов, он смотрелся очень убедительно в парадной форме, а как только он

начинал говорить, то сразу же становилось понятно, что и голова у него прекрасно работает. Как и все толковые начальники, он начинал свою службу на «земле», простым участковым, и, проявив трезвый ум, хорошее понимание обстановки и мужество, в девяностые годы сумел занять высокий и очень значимый пост на Северном Кавказе.

– Ты не улыбайся! – пробурчал генерал недовольно. Он положил ручку на стол и осторожно переменял положение тела, сев повыше. – Иначе я тебя заставлю искать мне новую мебель.

– Есть, товарищ генерал, – теперь уже открыто улыбнулся оперативник. – Что же вы раньше не сказали... есть у меня знакомые, они вам кресло под заказ и сделают, чего вам крутиться на этом?

Генерал махнул рукой, прекращая этот неудобный для него разговор, и отодвинул в сторону папку с документами.

– Что там у тебя? – спросил «Шкаф». Он потянулся и нажал кнопку селектора.

– Наташа, принесите нам чай, – попросил хозяин кабинета, затем откинулся на спинку и поискал взглядом сигареты на столе. Кивнул головой, прикуривая, и Мурат правильно понял этот жест.

– Вы же знаете, товарищ генерал, кто я по национальности... в общем, ко мне приехали мои родственники из Азербайджана... у моего дяди... ну неважно... он работает в совместной турецкой фирме по производству строительных материалов... в общем, он сумел подслушать разговор. Кто-то говорил об очень важном грузе из Азербайджана через Дагестан и дальше в Чечню... ничего конкретного он не услышал... только слова о том, что это очень поможет нашим братьям по вере в их святой борьбе с неверными. И что до десятого июня надо отправить этот груз через границу.

Генерал, ожидая продолжения, взял со стола красивую зажигалку и начал поигрывать ею. Пока Мурат не сообщил ничего конкретного.

Оперативник заторопился:

– Товарищ генерал, в Чечню пойдет оружие. Сотрудники фирмы, отвечающие за доставку этого груза, все турки, на контакт с ними идти рискованно, наверняка могут доложить о подобных разговорах своему руководству, но язык за зубами держать у них не получается. Пару раз похвастались... ну и так далее, я сейчас не буду утомлять вас деталями... в общем, у моего родственника сложилось такое мнение, что из Азербайджана в Чечню через Дагестан налажена доставка вооружения... и я ему верю. К сожалению, мне не известна точная дата отправки и конкретная машина. Но зато я знаю, по какой дороге пойдет этот груз.

– Твои предложения? – спросил генерал. Он знал, что Дагестан является зоной ответственности Мурата, и все оперативные разработки по этой территории должны исходить от него.

– Оружие будут везти через «Золотой мост». Эта переправа находится на границе Юждага и Азербайджана. Все пропускные системы на этом пункте насквозь и давно коррумпированы. Я предлагаю быстро «запустить» наш «КамАЗ» в Азербайджан, а когда он будет идти обратно в Россию, раздавая взятки направо и налево, то «снести» любого, кто потребует деньги за проезд. Этим мы попытаемся решить две задачи. Сорвем перевозку оружия (вряд ли они после такого «шухера» сунутся на этот мост, я бы не сунулся, я бы еще месяц ждал, пока все успокоится, все-таки не апельсины везут), да заодно напомним торговцам оружием, что мы о них не забываем... чтобы не расслабились. А тем временем я постараюсь узнать об этой фирме все, что можно.

Генерал задумчиво кивнул и посмотрел на дверь, в которую вошла секретарша с подносом в руках. Он тут же вспомнил разговор с начальником УБОПа Дагестана, с которым они один раз хорошо посидели после совещания, распив великолепную бутылочку коньяка. (Как обычно это бывает у руководителей такого ранга, они и за столом говорили о работе, забыть

о ней не было никакой возможности, эти люди проводили на службе гораздо больше времени, чем со своей семьей.) Тогда Магомед сказал напрямую, что хотя он и не располагает доказательствами, но уверен, что из Азербайджана, при активной помощи чеченцев-аккинцев, проживающих на границе Чечни и Дагестана, в Чечню завозят оружие.

Имея в своем распоряжении первоклассных (не всех, конечно... но генерал старался все-таки выбирать, благо он был не руководителем районного отделения милиции) оперативников различных национальностей, которые действовали на свой страх и риск, добывая информацию во всех регионах Северного Кавказа, используя при этом личные контакты и связи, он мог, как никто другой, более реально представлять себе криминогенную обстановку на Юге России.

Начальник «воюющего», как его называли в Москве, РУБОПа тяжело вздохнул и откинулся в кресле. Он смотрел, как ловкие руки секретарши быстро раскладывали печенье и конфеты по красивым тарелкам, и отличная память профессионала моментально погрузила его в материалы под названием – «Война в Чечне. Часть вторая».

Шло лето 1999 года. Это было тяжелое лето для России. Напряженность в стране нарастала день ото дня. Вроде бы и незаметно, но уже через месяц видно, насколько. Чеченцы «тянут одеяло на себя», потому что никто эту республику не контролирует. Мстагов – законно избранный президент, конечно, но у него нет той личной власти, которая могла бы придавить всех.

«Немирная» Чечня (генерал и не заметил, что воспользовался словарем Толстого, настолько это точное определение отвечало реалиям, несмотря на прошедшие полтора года) была похожа на огромную пробоину в корпусе России. Эта пробоина сильно кренила страну, и по верхней палубе государства уже пронеслось несколько мутных волн, предвестниц разрушения всего корабля. Но Россия со стоном поднялась, выпрямилась, опираясь на еще не уничтоженный ресурс, но на эти запасы не стоит рассчитывать до бесконечности...

Вот личные рассказы чеченцев, которые работают в Управлении в Нальчике и с риском для жизни иногда пробираются к себе домой, в родную республику, в которой после подписания мира в 1996 году нарождается новая шариатская власть... вот рапорты о невиданном ранее наплыве наемников в Чечню... негры, арабы, приезжие из Литвы, Украины, даже несколько десятков бойцов из Южной Америки... все эти сведения были получены от различных источников, в том числе и от освобожденных заложников. Говорить о том, что свободная Ичкерия полным ходом собирается строить мирную жизнь, теперь уже не приходится. «Неужели они готовят нападение?» – в сотый раз спрашивал себя генерал, но не мог пока с уверенностью ответить на этот вопрос. «А я должен на него ответить», – мрачно сказал сам себе. – Иначе повторится июнь сорок первого... ну, не совсем так... – одернул он себя – масштабы несопоставимы, конечно, но смысл примерно тот же самый... дело идет ко второй войне, чеченцы собрали мощный вооруженный кулак на своей территории, и понятно, что этих людей долго не будут держать без дела, деньги надо отрабатывать...

«Да, Мурат все-таки молодец, хорошая мысль, даже если мы не задержим сами грузовики, то хоть сорвем доставку, а это, в принципе, одно и то же. И прав опер, сейчас надо выигрывать время».

– Что-нибудь еще? – спросила Наташа и выпрямилась возле чайного столика.

– Нет, ничего не надо, спасибо. – Он дождался, пока девушка аккуратно прикрыла за собой дубовую дверь, сказал:

– Давай по деталям... я знаю, что ты уже все продумал, иначе бы не заявился ко мне...

* * *

– Едем в Дагестан, на границу, «брат» «Золотой мост», – инструктировал старший группы. – Командировка на десять дней. «Опера» выдвинутся за пару дней пораньше, им надо

на «КамАЗе» проскочить в Азербайджан, а потом вернуться обратно. Будем их ждать. Наша задача – «снести» таможенную к чертовой матери и «вязать» всех, кто возьмет взятку. Система взяток на этом мосту давно и четко отлажена, поэтому в народе его и кличут «золотым». Если бы так аккуратно и без сбоев работали наши государственные ведомства, то мы бы уже давно жили при коммунизме... ну это я так, к слову... на месте к нам подключатся дагестанские оперативники и СОБР... вопросы имеются?

Чижов подумал, пожал плечами и промолчал. Наверняка старший группы и сам не знает больше того, что только что озвучил... в Дагестан, так в Дагестан... не первый раз.

Старенький «рафик» за один световой день благополучно преодолел шестьсот километров (надо было делать «крюк» через Ставрополье, через суверенную Чечню, по трассе «Ростов – Баку», оперативная машина, доверху набитая оружием и сотрудниками федерального российского ведомства, проехать не могла) и прибыл в Махачкалу теплым июньским вечером.

Пришлось разместиться на базе Дагестанского УБОПа. Не будешь же вселяться в гостиницу под изумленными взглядами городских зевак, таща на себе полный боевой комплект спецназовца! Впрочем, как пообещал старший группы (старый, опытный Борис Зернов, у которого имелись друзья и знакомые чуть ли не на всем Кавказе), это дело было временным, и они скоро переберутся в более удобное место.

Местный СОБР быстро освободил небольшой домик на территории управления, где размещался сам, и уступил свои места гостям.

– Да не волнуйтесь вы так, ребята! Мы и на улице можем устроиться... Тем более что сейчас тепло, а «спальники» у нас есть, – несколько смущенно говорили «гости».

– Мы сами ко всему привыкшие, вот поэтому вы спать будете в помещении, а мы на улице. А «спальники» и у нас есть, так что проблем не будет, – вполне резонно отвечали им хозяева, сноровисто вытаскивая свои баулы и рюкзаки на травяной газон прямо возле главного здания УБОПа. Алексей несколько озадаченно посмотрел на «цыганский» табор, разбитый за несколько минут под окнами начальника серьезного ведомства, и обратился к стоявшему рядом крепкому парню в камуфляже и с красивым ножом (кизлярская отделка!) на поясе:

– Слушай, а вам не попадет за такое вот... – И он обвел рукой стихийно возникшую ночевку на ухоженном подстриженном газоне.

Парень усмехнулся:

– Наш Магомед – нормальный мужчина, он все прекрасно понимает... Ничего не будет, не переживай.

Кое-как устроив свои вещи (дело это было нехитрое, за множество командировок соборовцы приучились спать и жить в любых условиях), ребята вышли покурить. Немного в стороне от них собрались дагестанцы и о чем-то быстро совещались. Алексей чувствовал себя несколько неловко, но, подумав, решил плюнуть на эти «интеллигентские» штучки. Не он это все придумал, а у дагестанцев просто не было выбора. Не оставят же они гостей на улице, в самом-то деле...

– Как насчет поесть что-нибудь, Тима? – поинтересовался он у черноволосого плотного кумыка, который был старшим в группе СОБРа.

– Разумно, черт возьми, – задумчиво отозвался тот с таким видом, как будто Чижов выдал необычайно свежую мысль. – Ну что ж... самое время.

– Поскольку сухпай всем надоел еще в Осетии, я предлагаю договориться с местными, выскочить на машине в город и купить нормальной еды... кто «за»? – предложил Алексей.

– Я только «за», – сразу же сказал молчаливый белобрысый Андруха и поднял голову, оглядывая остальных. Других мнений не последовало.

Тима внимательно посмотрел на него и кивнул. Он хорошо знал своих людей, и если уж парень действительно не захотел есть сухой паек, то это значило, что он съел его много, очень много, гораздо больше сторожевой собаки Дика, которая не отличалась особой привередливо-

стью и жрала все подряд, охраняя учебную базу СОБРа. Но и у Дика бывали моменты, когда он отворачивался от щедро наваленной в его миску горячей каши из концентрата...

Тима вспомнил собаку и улыбнулся.

– Хорошо! – проговорил он. – Я сейчас с ребятами переговорю, может, они и дадут машину с водителем, он нас отвезет куда-нибудь на рынок... давай по полтиннику скинемся, что ли.

Деньги быстро собрали, Тима отправился договариваться насчет машины, а Алексей с Вадиком вышли за ворота, чтобы купить сигарет. Собровец, стоявший возле проходной (именно в Дагестане вооруженная охрана стала практиковаться повсеместно, там уже разворачивалась нешуточная война с бандитизмом, и были случаи, когда боевики среди бела дня обстреливали отделы милиции), показал им дорогу и посоветовал быть поаккуратнее. При этом он выразительно кивнул на их табельное оружие, закрепленное на поясе.

Ничего необычного на маленьком местном рынке Алексей не увидел. Расположенный несколько в стороне от большого шумного перекрестка, на вытоптанной земляной площадке, небольшой крытый базарчик обслуживал потребности населения близлежащих жилых домов. В те времена в нашей стране еще не было построено такое гигантское количество супермаркетов, минимаркетов да и просто дворовых магазинчиков, до которых можно было добежать в одних тапочках, чтобы купить какую-нибудь мелочовку, и поэтому вот такие рынки были практически в каждом городском микрорайоне.

Чижов всмотрелся повнимательнее и несколько растерялся. Конечно, он не мог не понимать, что русским языком в бывшем Советском Союзе должны владеть все, хотя бы понимать его, но увидеть такое он все же не ожидал. Женщина, у которой он вознамерился купить сигареты, была закутана с ног до головы во все черное, будто монашка. Она стояла перед своим деревянным прилавком, не шевелясь и молча разглядывая проходящих людей круглыми темными глазами. Так одетых женщин Алексей еще не видел, даже в Чечне. Чижов встал перед ней, подумал, решил ничего не говорить (по ее глазам, которые только одни оставались не закутанными в большой темный платок, было видно, что вряд ли она поймет простой разговорный русский) и молча показал на пачку «Золотой явы». «Монашка» протянула руку, взяла деньги, отсчитала сдачу и так же молча кивнула головой. Алексей нагнулся и поднял сигареты с лотка. Потом он подумал и решил купить что-нибудь сладкое. За целый день в дороге пришлось жевать только солоноватые галеты из сухого пайка и пить теплую воду. Теперь его организм потребовал сахара. На прилавке Алексей увидел «сникерс». Он взял его, покрутил в руках, показал его этой «черной мусульманке», как он окрестил ее (в такую жару и так одеваться...), вопросительно кивнул головой и протянул ей деньги. Женщина, не выражая никаких эмоций, повторила те же действия со сдачей и вновь застыла, глядя Алексею прямо в глаза.

«Сникерс» – это мощная вещь, но сдается мне, что надо поесть что-нибудь получше», – подумал собровец, рассматривая обилие ярких разноцветных этикеток на всяких пакетиках, баночках и упаковках, которые были разложены на фанерном столике прямо перед ним. Он был уже опытный путешественник, закаленный в бесчисленных командировках, и хорошо знал свой организм. После трех-четырех дней на сухом пайке у Алексея начинал побаливать желудок, а это был сигнал о том, что туда надо было вбросить питательные вещества, и желательно в жидком виде. Так как возможность зайти в столовую у бойцов спецподразделения не всегда имелась, то приходилось обходиться бутербродами...

«Так, покупаем «бич-пакет» и «галину бланку» для вкуса... и нормально... все будет вери вел, не первый раз... есть это у ней? Вот китайскую лапшу вижу, а «галину бланку» нет... блин... и как теперь ей объяснить, что мне надо? Знает она, что это такое? Поймет? Ну ладно, попробую объяснить. Хотя вряд ли...»

– Вот есть это у вас? – Алексей сморщил лоб, поглядел на «женщину в черном» (она внимательно, с напряжением, как человек, который пытается что-то понять, услышав знакомые слова, взглянула на него) и начал:

– Ну, вот знаете... вот курица есть, знаете? Курица? (женщина медленно кивнула головой, не спуская с Алексея глаз) Вот эту курицу разделявают... на такие кубики... есть это у вас?

Женщина молчала и смотрела на Чижова. То, что она родилась на Кавказе, было заметно по ее выразительной внешности. У нее были красивые темные глаза на неподвижном белом лице. Это было единственное, что мог разглядеть Алексей. Ее фигура была закрыта темным длинным одеянием полностью. Он даже не мог сказать, какого цвета у нее волосы. Огромный черный платок закрывал всю голову и был надвинут на самые брови.

Собровец вздохнул и огляделся. Вадик стоял недалеко и покупал аджигу у невысокого мужика в огромной серой кепке. Мужик громко хрипел:

– Э, ты почему вот это не хочешь брать, э? Моя жена ее своими руками делала, а ты не хочешь купить! Меня весь рынок знает, я никогда какую-нибудь гадость не продаю! На, попробуй еще, э! Ибрагиму не жалко!

– Вот курица... ее на кубики режут и продают... такие коричневые... добавляют в бульон еще, – проговорил безнадежно Алексей и уже решил про себя, что хватит мучить эту несчастную, да и заодно самого себя тоже.

– Молодой человек, вам «галину бланку» надо? – вдруг спросила его «женщина в черном». Алексей выпрямился. Голос у «монашки» оказался звучным и чистым, но что удивило Алексея больше всего, так это то, что у нее даже отсутствовал и намек на акцент.

– Я просто не сразу поняла, что надо... такое ощущение, что вы не русский... вот, есть «галина бланка»... вот «кнорр»... что вы хотите?

«Монашка» подняла голову и улыбнулась. Он с досадой сообразил, что она прекрасно разобралась в ситуации.

– Мне «галину бланку».. (чтоб ее!) – пробормотал Алексей. – И это... – он помялся, но потом решил, что ничего страшного не случится – Вы извините меня... я подумал...

– Да я поняла, – негромко ответила «монашка», вздохнула и поправила платок. Лицо ее стало серьезным. – Между прочим, я в Ленинграде кандидатскую защищала и жила там шесть лет... а вы решили, что я забитая горянка.

– Извините, – проговорил еще раз Чижев и торопливо отвернулся, ощущая, как его бросило в жар.

«Фу, давно я так не краснел... дебил! А впрочем... сама виновата! Оделась, как будто в семнадцатом веке живет... еще бы паранджу надела... ну, ладно. Меня это не касается. А впредь будь поаккуратней, наверняка она дома этот случай расскажет как анекдот про тупых русских... тьфу, черт!»

Но вкусные куриные кубики Алексею не понадобились. Дагестанцы умели встречать гостей. За один час прямо во дворе УБОПа был собран отличный стол, на котором было все, чем только может порадовать радушный кавказский хозяин своих гостей. Фрукты, зелень, жареная и вареная баранина, мясо птицы, коньяк и водка, виноград, арбузы – чего только ни выставили собровцы своим коллегам... в общем, вечер удался... даже сам начальник Управления вышел на полчаса из своего кабинета и, нарушая все писаные и неписаные правила, выпил с офицерами несколько рюмок коньяка и от души пожелал им успехов в службе. Он-то знал, что им предстоит.

На следующий день группа СОБРа переехала на заброшенную турбазу на берегу моря, которую охранял пожилой сторож со старым охотничьим ружьем. В девяностые годы число желающих отдохнуть на каспийском побережье здорово сократилось, и множество туристических комплексов уже давно закрылось или было переведено в режим консервации. Но у

Бори Зернова, который повсюду имел знакомых, оказались широкие связи в самых разнообразных кругах. В распоряжение «его хороших друзей» (совершенно бесплатно) предоставили несколько деревянных домиков с железными кроватями, где они и разместились. Неожиданным «туристам», единственным на всем побережье, очень обрадовался сторож. Так как на базе было организовано круглосуточное дежурство силами самих офицеров (таков был всегдашний порядок в командировках), то сторож вдруг оказался в краткосрочном отпуске, который он решил провести там же, на своем рабочем месте, попивая местное вино и загорая на жарком солнышке...

Ребята купались в море, отдыхали и отсыпались, наслаждаясь внезапно выпавшим счастьем, но у каждого постепенно в глубине души начинала сжиматься тяжелая стальная пружина, которая должна стремительно распрямиться в нужный момент, выбрасывая в кровь адреналин и заставляя бойца действовать быстро, решительно и с максимальной отдачей. Чудес не бывает, в конце концов, всех их ждет риск и возможная неудача, ведь они находились в республике, где федеральная власть была достаточно слаба, а реальная сила принадлежала влиятельным национальным кланам. Какой будет расклад при боевой работе, и смогут ли девять человек навязать свою волю любому, кто вздумает оказать им сопротивление, было еще неизвестно. Сами собровцы давно поняли: чтобы группа выжила и успешно выполнила задание, им необходимо держаться вместе, как стае волков. Сравнение не самое лестное, зато верное. Когда СОБР врывается в любое кавказское село и задерживает там человека, то не всегда местные жители (а они собирались в большую толпу моментально, оставалось только догадываться, как они узнавали о происходящем) давали возможность увезти подозреваемого спокойно. В ход шли оскорбления, камни и стрельба в воздух. Было ясно, что только решимость каждого собровца удерживала местных от прямого нападения. И еще, невзирая на последствия, мощная поддержка друг друга в любой ситуации. Прав собровец, не прав – с этим позже разберутся... Чтобы прикрыть своего товарища от ревушей толпы, надо чувствовать в себе великую уверенность и правоту... И если вот этого бородатого, который орет в первых рядах, надо будет нейтрализовать, значит, надо... Если он вытащил пистолет или хотя бы огромную палку, то это означает одно – он превратился в зверя, потеряв все человеческое, и на него слова и призывы уже не действуют... Он опасен тем, что может повести за собой толпу, и собровец обязан его нейтрализовать даже ценой собственной жизни... Для собровца это закон... Иначе толпа растерзает не только тебя, но и твоих товарищей...

Борис Зернов был известен как толковый и грамотный «опер», а это значило, что почти все его разработки заканчивались силовым задержанием.

Значит, и «у пилота будет работа», и если первый день на море был посвящен полному отдыху и созерцанию катящихся волн, то уже на второй день стали обдумывать план...

– Давайте прикинем возможное развитие ситуации... сигнала от «оперов» можно ждать в любое время... какие на мосту могут быть варианты? Я думаю, надо определить группу блокирования, прикрытия и саму группу захвата. Нам еще дадут дагестанский СОБР. Группа блокирования «закроет» сам таможенный пост, группа захвата будет «брать», а прикрытия будет смотреть за тем, чтобы нам не выстрелили в спину... у кого какие мнения на этот счет?

* * *

– Ну, ребяташки, сегодня... – произнес Зернов и внимательно посмотрел на окруживших его парней, – собираемся и не торопясь выезжаем. «КамАЗ» со стороны Азербайджана пойдет только к обеду, часа в два-три. По дороге к нам присоединятся дагестанцы и прокурор, чтобы, так сказать, лично наблюдать за событием... вы уже прикинули свои действия, Тима?

И, дождавшись утвердительного кивка старшего группы, проговорил:

– Конечно, я вас учить не буду, вы не первый день в СОБРе, только я прошу учесть ситуацию. На мосту стоят пограничники, таможня, гаишники и бандиты. И всем им платят дань... Все вооружены, как вы понимаете. Не дай бог, один случайный выстрел, кого-то ранят или убьют, и понесется... потом, конечно, разберемся, но мне очень хочется вернуться на базу тем же составом, каким и приехали... Вопросы?

– Покажи нам прокурора, – проговорил хмуро Алексей, – чтобы не попал «под замес», когда все начнется.

Никто даже не улыбнулся. Когда происходит сам захват, да еще в такой ситуации, где требуется подавить сопротивление вооруженных людей, любой, кто попытается остановить атакующий СОБР, обречен как минимум на чувствительные повреждение организма, если только не начнет по глупости стрелять. Поэтому знать прокуратуру в лицо было все-таки необходимо. Вдруг прокурор начнет энергично протестовать против незаконных, с его точки зрения, действий сотрудников милиции, да еще и сунется под горячую руку...

– Вы ее узнаете сразу, – усмехнулся Зернов. – Это женщина... она будет со мной в машине, я покажу ее вам перед захватом, на мосту.

– Тогда вопросов нет, – повернулся Тима к своим: – Собираемся и выезжаем. На охране имущества остается Андрюха. Мои распоряжения не обсуждаются. Все, пошли!

И, обойдя молчаливо застывшего Андрюху с напряженным от обиды лицом, собровцы принялись деловито собираться.

Названия пограничной реки, разделявшей Дагестан и Азербайджан, Алексей не увидел. Он сидел на переднем сиденье в салоне «рафика» и слушал то, что им говорил водитель. Коренастый рыжий Серега, припарковав машину к краю проезжей части на въезде на мост, опустил стекло и с наслаждением закурил, оглядывая диспозицию предстоящей работы. От его обстоятельного доклада в большей части зависел успех штурма. Машина СОБРа была раскрашена под «Скорую помощь» и поэтому сразу не привлекала к себе ненужного внимания. Сам водитель был одет по «гражданке», ведь его хорошо было видно снаружи через большое лобовое стекло. Мало ли по какой причине приехала «Скорая помощь»? Может, кому-то стало плохо? Пока еще никто ничего не понял и не придал значения тому, что из машины никто не выходит, и этой кратковременной паузой необходимо было воспользоваться с максимальной выгодой.

Штурмующая группа была одета в форму, так как внезапное появление на мосту вооруженных людей, облаченных в гражданскую одежду, вполне может быть расценено как бандитское нападение на службы, находящиеся на охране государственной границы. Ничего удивительного в таком происшествии в девяностые годы не было. «Золотой мост» являлся надежным и, главное, стабильным источником дохода как для местных криминальных авторитетов, так и для взяточников в погонах, которые в силу своего служебного положения должны обеспечивать контроль. Терять его никто не хотел, и поэтому Зернову приходилось учитывать все нюансы предстоящего штурма...

– Прямо перед нами, в ста метрах, таможенный пост... он в середине переправы. «Гаишники» ближе к нам... пограничники встречают машины с той стороны самые первые, они и стоят отдельно, еще дальше, прямо за таможенным постом... там охрана... вижу бойца на «вышке»... он смотрит только на подъезжающие машины... скорей всего у «погранцов» своя служба, у таможни своя. Вряд ли «зеленые фуражки» будут вмешиваться, пока не разберутся, в чем дело.

– Первой выходит группа захвата, она и «крутит» таможню, – подытожил услышанное Тима. – Сколько там человек стоит, Серега?

– Вижу трех человек... без оружия... скорей всего дежурная смена.

– Группа блокирования окружает сам таможенный пост и не дает никому оттуда выйти, а прикрытые становится между группой захвата и блокированием и смотрит во все стороны,

чтобы нам не пальнули в спину... Оружие применять только согласно Закону «О милиции». Все вы его знаете, зачеты мне сдавали... Ну, вроде все. Ждем сигнала.

В душной коробке «рафика» повисло напряженное молчание. Раздвигающиеся стекла на окнах «Скорой» были выкрашены в густой плотный матовый цвет, чтобы снаружи не было видно обстановку внутри машины. Алексей не выдержал и слегка приоткрыл окно, впуская в спертую атмосферу салона теплый, но свежий воздух. Его слегка начало трясти, и он недовольно сжал кулаки, чтобы скрыть свое состояние.

Вдруг дагестанский соброводец (их тоже привлекли к операции) напрягся и положил руки на автомат, лежавший у него на коленях.

– Что? – тихо спросил Тима, повернув к нему потное лицо.

– Кто-то спрашивает, что это за «Скорая» приехала. – Дагестанец помолчал, вслушиваясь: – Говорит, чтобы проверили... сейчас к нам подойдут. – Алексей все понял. В Южном Дагестане (Юждаг в просторечии), именно на этой территории, где проводилась операция, в основной своей массе проживали лакцы, и можно было с достаточной долей уверенности предположить, что среди таможенников тоже окажутся именно они, не стопроцентным составом, конечно, но большей частью, а поэтому и взять из местного СОБРа лакцев для именно вот такого случая Зернов не посчитал излишним.

– Идет? – спросил Тима водителя.

– Идет... – после паузы ответил Сергей. – Подходит к нам... без оружия. Таможенник... сейчас дверь откроет.

– Берем, – тут же принял решение кумык и отложил автомат в сторону. – Раз он без оружия... ты, – он ткнул пальцем в лакца, – говоришь ему на своем, чтобы он не кричал и не волновался. А мы с тобой, – он взглядом уперся в Алексея, – затаскиваем его в машину... только аккуратно, Леша.

Бортовая железная дверь с лязгом поехала в сторону, и в салон заглянул молодой парень в мятой, расстегнутой чуть ли не до груди форменной рубашке.

– Салам алейкум, – поздоровался с ним лакец.

Таможенник превратился в соляной столб. Лицо его приняло такое выражение, как будто он увидел каких-то чудовищ. Внутри «Скорой помощи» оказалось около десятка людей в военной форме, в масках, и все они сквозь прорези для глаз разглядывали застывшего в полной растерянности парня.

Сигнал по нервам человека проносится со скоростью шестьдесят метров в секунду, но для того, чтобы последовала реакция на этот сигнал, человек должен принять решение.

Таможенник явно не ожидал встретить в «Скорой» так много вооруженных «пациентов».

Наконец он сообразил, что ему надо сделать.

Алексей увидел, как глаза лакца приняли осмысленное выражение.

Он выдохнул и произнес:

– Извините.

Его рука дернулась, чтобы захлопнуть дверцу и этим выиграть себе несколько секунд для поспешного бегства.

Кулак Алексея удачно врезался ему прямо в солнечное сплетение, а Тима, схватив «таможню» за плечи, рывком втащил того в салон. Тут же несколько человек пришли на помощь, и парень, проехав по железному полу животом и грудью, уткнулся в ботинки пулеметчика на заднем сиденье, который, согласно диспозиции, должен выходить из «рафика» последним. Пулеметчик выдернул из разгрузки наручники и быстро сковал руки таможеннику за спиной. Соброводец-лакец наклонился к пленнику, проговорил тому на ухо несколько фраз и успокаивающе похлопал парня по плечу.

Все происшедшее не заняло и трех секунд.

Положение штурмующей группы осложнилось. Этого парня могут хватиться очень быстро.

Глаза Тимы остановились на черном квадрате рации, укрепленной на пассажирском месте рядом с водителем.

– Внимание, СОБР! – вдруг четко заговорила рация. – Видите синий «КамАЗ» на посту? Номер... – И человек назвал четыре цифры...

– Видим, – сдавленным от волнения голосом сказал Серега, прижав микрофон ко рту.

– Захват, ребята, – буднично проговорил Зернов. – Захват... таможня взяла деньги... Пошли!

Старший группы быстро вытащил «стечкин» и передернул затвор.

– Пошли!!! – оглушительно рывкнул Тима (длительное нервное напряжение давало о себе знать), толкнул дверь и первым выскочил на потрескавшийся теплый асфальт.

* * *

Группа захвата понеслась на таможенный пост, на котором ничего не подозревающие люди из дежурной смены «потрошили» очередной грузовик.

Собровцы работали тройками. Первые два человека должны были «вязать», а третий, вооруженный автоматом, подстраховывал напарников от возможных неприятностей.

Роли уже были распределены заранее.

Алексей входил в первую группу.

Как только спецназ преодолел первые двадцать метров, Тима вспомнил об одной очевидной вещи. Он ругнулся про себя, но не выполнить это условие он не мог.

Сотрудник милиции обязан предъявить свое удостоверение и представиться при первом же требовании любого гражданина России, нравится это ему или нет, и держать этот документ в раскрытом виде, пока с ним (с удостоверением) не ознакомятся.

Для офицеров СОБРа прокуратура исключения не делает.

Но их специфика работы не позволяет слишком долго представляться.

Поэтому Тима на бегу открыл рот, хлебнул воздуха в грудь и принялся громко выкрикивать:

– Внимание! Милиция! Работает РУБОП! Всем лечь на землю! Руки за голову!

Он прокричал это три раза и потерял скорость.

Все пять человек, бегущие с ним рядом, принялись истошно орать, дублируя своего командира, и тоже сбавили темп.

Алексей не отрывал взгляда от трех таможенников, которые присели от внезапности и ошеломленно закрутили головами по сторонам, словно воришки, застигнутые на месте преступления.

Один из них быстро сунул руку в карман (Тима поднял пистолет) и выбросил на асфальт пачку денег, перехваченных резинкой.

Часовой пограничник на вышке, который сразу же упал за мешки с песком и приготовил оружие, теперь растерянно приподнял голову и убрал в сторону ствол автомата.

Именно для него и вооруженного часового были предназначены эти крики, которые разносились по всей окрестности.

Группа СОБРа неотвратимо приближалась к своей цели.

Таможенник, тот, который выбросил деньги, вдруг внезапно пригнулся и рванулся к длинной очереди автомашин, которые уже прошли проверку и стояли на мосту в ожидании въезда на российскую территорию. Он перепрыгнул через капот легковушки и стремительно бросился навстречу первой тройке, только по крайней правой полосе, в то время как СОБР бежал посередине.

Он рассчитал все правильно. Его сразу же потеряли из виду, и он, рассчитывая найти спасение, припустил во весь дух к таможенной будке.

Тима и Алексей через машины перебрались на крайнюю правую полосу и увидели, как раскрылась дверь таможенного поста и тут же сразу захлопнулась, пропуская внутрь ускользнувшего от них взяточника.

Осознавая, что операция провалилась, они подскочили к одноэтажному небольшому строению в центре проезжей части, и Тима резко рванул на себя распахнутую некрашеную входную деревянную дверь.

Тут же из дверного проема на него вывалился человек с широко раскрытыми глазами. В руках у него был автомат. Таможенник судорожно передернул затвор и выпустил оглушительную очередь в воздух. Отдача от выстрелов повела оружие в сторону, и несколько пуль с характерным визгом срикошетили от огромных стальных креплений моста.

Тима с Алексеем машинально пригнулись, тут же опустили на одно колено и выставили пистолеты перед собой, взяв на прицел таможенника. Еще секунда – и его могли убить. Но таможенник (не тот, кто выбросил деньги, а из отдыхающей смены) поднял ствол вверх и закричал, сжимая оружие побелевшими пальцами:

– Нельзя на пост! Нет права! Нельзя!

И опять, истерично искривив рот, выстрелил несколько раз в небо.

Тима с Алексеем переглянулись. В общем-то, этот перепуганный пожилой лакей, неумело державший в руках оружие, был прав. Он стрелял не в них и использовал оружие, чтобы предупредить всех о намерении его применить. Ситуация требовала вмешательства прокурора.

Все водители на мосту при первых выстрелах или начали выпрыгивать из своих машин и падать на асфальт, закрывая голову руками, или прятаться за приборной доской.

Только лишь две машины (красная «девятка» и потрепанная черная «БМВ») с визгом, не жалея покрышек, развернулись на въезде и суматошно, ударив несколько раз «передком» по высоким бетонным бордюрам, рванулись прочь от моста по встречной полосе. Это, разобравшись в обстановке, удирала местная «братва», заботливо собиравшая свою собственную отдельную плату за въезд на российскую территорию.

После некоторого колебания командир пограничников поднял личный состав «в ружье», заблокировал все движение и теперь напряженно наблюдал за происходящим со своей вышки.

В считанные секунды у таможенного поста собралась вся группа СОБРа. Двух таможенников, которых основательно помяли при захвате, охранял водитель, а к месту происшествия уже спешил Зернов, ведя за руку слегка напуганного прокурора.

Таможенники тоже даром времени не теряли. Еще несколько человек вооружились и теперь плотной возбужденной толпой закрывали вход в таможенный пост. Их начальник хорошо понимал, что выдавать своего «засвеченного» человека никак нельзя, это грозило самыми серьезными осложнениями. Гораздо выгоднее «врубить кирпича», изображая недалекого и тупого служаку, и максимально затягивать время, давая возможность находившимся внутри поста дозвониться до своего руководства и сообщить о «вооруженном нападении на государственный объект». Старший поста знал, что за такую солидную мзду, которую «отстегивает» начальник таможни, любой чиновник будет защищать их до последнего.

На потерявшую дар речи и зажимающую уши женщину, которую Зернов вытолкнул перед испуганными озлобленными вооруженными людьми, никто из кричавших и стрелявших не обратил никакого внимания. Таможенники были здорово напуганы и поэтому, увидев, что СОБР не стреляет в ответ (без приказа никто огня не открывал, люди были обучены и угрозы своей жизни пока не видели), подогревали свою храбрость несмолкаемыми выстрелами в воздух.

Дагестанский СОБР не выдержал. Их пулеметчик поднял ствол и выпустил все семьдесят пять патронов над головами возбужденных людей. В наступившей тишине он поменял магазин и вновь изготовил оружие к стрельбе.

– Харе! – заорал наконец Боря, слегка приседая от натуги (почему-то это слово, сокращенное от «хорош!», выкрикнутое на одном мощном выдохе, всегда лучше слышится и понимается среди автоматных очередей). Он рассчитывал, что присутствие прокурора охладит горячие головы, но женщина («Мужика надо было брать», – угрюмо подумал Зернов.) совершенно растерялась, и по ней было видно, что в данный момент ей совершенно было наплевать на свои служебные обязанности. Она инстинктивно старалась спрятаться за спины тех мужчин, с которыми приехала.

Машины, которые с обеих сторон границы ждали своей очереди для въезда на мост, стали разворачиваться и уезжать, чтобы оказаться как можно дальше в стороне от вооруженного конфликта Азербайджана с Россией.

После этой команды все внимание собравшихся вооруженных людей переключилось на Зернова.

– Я – старший оперуполномоченный РУБОПа по особо важным делам полковник Зернов. – Он вытащил бордовую книжицу, и, не раскрывая, махнул ей перед лицом того таможенника, который орал громче всех. Тот уставился на полковника злыми возбужденными глазами.

– Все действия твоего человека записаны на видеокамеру, а краска от денег, которые он взял, не смоется еще целую неделю... пусть попробует, у него вся ночь впереди... сейчас прокурор напишет свой рапорт о том, что вы силой оружия препятствовали ей пройти в ваше помещение, не имея на это никакого права... мои люди это подтвердят... я посажу твоего дурачка, а ты слетишь со своего теплого местечка. Это я постараюсь тебе устроить... ну а пока давай попрощаемся хотя бы до завтра. – С этими словами старший «опер» развернулся, нашел взглядом Тиму и скомандовал на правах руководителя всей операции:

– Уводи людей. Уходим.

* * *

На азербайджанском берегу за всем происходящим на мосту наблюдал молодой человек кавказской внешности, с биноклем в руках. Он был гладко выбрит и одет просто, очень просто, и по этой бросающейся в глаза простоте одежды (много раз стиранные добела джинсы, такая же невзрачная блеклая футболка, потерявшая свой яркий первоначальный синий цвет, и стоптанные, разношенные кроссовки) опытный наблюдатель легко бы определил иностранца. Молодой человек отошел от дороги и поднялся на небольшой зеленый пригорок с растущими деревьями, чтобы оттуда, не привлекая излишнего внимания, наблюдать за мостом в бинокль. Рядом с ним стоял его спутник, по виду похожий на азербайджанца, выглядевший постарше и одетый в блестящий, переливающийся на солнце костюм. Кавказцы любят одеваться во все яркое, и азербайджанец каждый раз хмурился, когда его взгляд останавливался на молодом человеке. Если можно было бы прочесть мысли азербайджанца, то он сейчас думал примерно так: «Неужели этот пацан, который приехал командовать сюда вместо Джонни, получает так мало денег? Все-таки заместитель руководителя такой большой фирмы... на него же люди смотрят! А он одевается так, как будто вместо работы собрался в лес за грибами... совсем не понимает ситуации человек. Вот Джонни... да что там Джонни... был таким же шалопаем, несмотря на его возраст, пока Самир (азербайджанец сказал о себе в третьем лице) не вдолбил в его плешистую голову понятие о том, что одежде на Кавказе придают очень большое значение... вот и с этим придется возиться. Ему-то все равно, как выглядеть, но я же с ним рядом постоянно, и что обо мне подумают... скажут, что мой начальник – оборванец. Помогите мне, Всевышний!»

Внезапно раздавшиеся автоматные очереди всколыхнули теплый воздух, и из камышей поднялась стая испуганных птиц.

Фарух выпрямился, плотнее прижал окуляры, напряженно вглядываясь в далекие машины на мосту. Реакция же Самира была совершенно другой. Как только прогремели первые выстрелы, он, не оглядываясь, сразу же пригнулся и бросился за багажник черной «Волги», на которой они с Фарухом приехали. В то время как Фарух шарил по мосту биноклем, пытаясь определить причину неожиданной и суматошной стрельбы, Самир внимательно вслушивался, привычно определяя, на каком расстоянии от него просвистят пули. Он провоевал два года в Нагорном Карабахе и при внезапной опасности действовал точно так же, как и был обучен. В первую очередь он спасал самого себя, и в этом проявился его инстинкт самосохранения, помноженный на боевой опыт. (Именно таких людей, которые имеют за своими плечами реальные вооруженные столкновения, никогда не возьмет на работу хорошее частное охранное агентство. Переучить опытного бойца уже невозможно, он никогда не подставит себя для защиты тела хозяина, проще взять человека с улицы и уже лепить из него качественного телохранителя.)

Фарух случайно увидел своего помощника в такой нелепой позе. Сам он не пригнулся, и вообще мысль об этом даже не пришла ему в голову. Американский разведчик усмехнулся про себя и подумал, что его ближайший помощник оказался трусом, надо подумать о его замене.

Самир, который легко прочитал эту мысль на лице Фаруха, досадливо вздохнул, пробормотал про себя азербайджанское ругательство, разогнулся, заботливо отряхнул брюки и сделал вид, что он не заметил презрительную улыбку на лице своего непосредственного начальника.

– Что там такое? – проговорил Фарух, опять прикладывая бинокль к глазам.

– Вам надо подождать меня дома или в офисе, – сухо ответил Самир, щурясь от солнца, ветра и солнечных бликов на воде. – Я съезжу и узнаю, в чем дело.

* * *

Отменное, хорошо прожаренное мясо с зеленью остывало на фирменной сковородке. У Фаруха совсем не было аппетита. Он взял в руки вилку, но не делал ею никаких движений, вслушиваясь в ровный, без эмоций голос Самира.

– На границе работал РУБОП. Так называют недавно созданное в России подразделение милиции.

Самир очень хотел есть, он провел за рулем несколько часов, мотаясь по всему городу и собирая информацию, но взять кусок мяса первым ему даже не пришлось в голову. Он открыл бутылку «Боржоми» и налил себе стакан до краев.

Фарух нахмурился, но не удивился. Ему было простительно не знать всех новых образований в структуре милиции сопредельного государства. В конце концов, его готовили для работы на Ближнем Востоке. А вместо этого бросили на границу с Россией... вспомнили, видимо, о том, что его бабушка была азербайджанкой и говорила с внуком только на русском... «Ну ладно, – подумал он, – будем разбираться».

– Что такое РУБОП? – спросил спокойно американский разведчик и нехотя отломил себе кусочек лаваша. Он хорошо понимал, что стрельба на пограничном мосту не может быть обычным событием, сейчас не война, значит, случилось что-то серьезное, а переправлять оружие в такой обстановке было бы слишком рискованно. Если стреляли сегодня, то могут стрелять и завтра, а Фаруху нужен был гарантированный, ничем не осложненный проезд через границу.

Самир посмотрел на мясо и потянул ноздрями возбуждающий аромат.

– Ешьте, – спохватился турок и сделал рукой приглашающий жест. Он был искренен, это было заметно, поэтому азербайджанец после секундного колебания решительно протянул руку к сковородке.

– РУБОП – это региональное управление по борьбе с организованной преступностью... главное управление – в Нальчике. Во всех северокавказских республиках созданы филиалы, которые подчиняются Нальчику. А сам Нальчик подчиняется только Москве. Местные министерства внутренних дел для РУБОПа ничего не значат. «Межрегионалка» на них даже не обращает внимания и отчитывается только перед федеральным центром. – Он старался не говорить с набитым ртом и делать паузы. Он понимал, что от него ждут информации, и поэтому глотал пищу торопливо. – Оттуда же в РУБОП идет снабжение и финансирование... как сказали мне знающие люди – эта организация является аналогом вашему ФБР... во всяком случае, у Москвы такая задумка. Генерал, который командует РУБОПом – сволочь... взятки не берет, и об этом все знают. В Москве пользуется немалым авторитетом и благодаря этому обеспечивает своих людей всем самым необходимым и даже больше... при отсутствии разведки и контрразведки РУБОП сейчас – самая активная и влиятельная государственная сила на Кавказе... это все, что мне удалось узнать.

Самир вздохнул. Самое главное было сказано. Пока его шеф думает, можно и подкрепиться. Проблемы Фаруха, проблемы американской разведки не волновали азербайджанца. Он хорошо понимал, что это не его уровень и что он является нужной, умной, хорошо работающей, но все-таки пешкой. Проблемой РУБОПа будут заниматься другие.

У Фаруха совсем пропал аппетит. Он даже несколько оторопел от услышанного и машинально мял в руках теплый кусочек лаваша, не замечая того, как он превращается в плотный катышек теста.

– Аналог американского ФБР? – недоверчиво спросил разведчик, и в его тоне прозвучала заметная растерянность. Фарух хорошо представлял себе возможности этого силового ведомства, и если против них действует такая же организация, как и в Америке, то его шансы на успешную работу в России равны нулю. Единичные успехи в счет не пойдут. Он понимал, что его помощник врать не будет. Слишком неплохие деньги ему платят.

Самир угрюмо усмехнулся. Он уже несколько утолил свой голод и только хотел успокоить своего шефа, как вспомнил его еле заметную усмешку на чистом бритом лице, когда азербайджанец так поспешно пригнулся за машину.

– Именно, – проговорил серьезно помощник Фаруха, выбирая себе взглядом кусочек мяса поаппетитнее. – РУБОП не работает по одиночкам и обыкновенным уголовникам. Им подавай криминальных мэров городов, преступные группировки на высоком правительственном уровне и межнациональные криминальные сообщества... всей остальной ерундой занимается местная милиция, в том числе и у наших соседей.

Фарух опустил голову и попытался подумать. Но у него из этого ничего не получилось. Американский разведчик был слегка напуган и, надо отдать ему должное, сразу признался в этом самому себе.

«Аналог американского ФБР... кто бы мог подумать... если эти русские создали свое ФБР, то о простоте операций в этом регионе можно уже забыть. Как же меня не предупредили... да кто у нас будет обращать внимание на русскую милицию? Ведь отслеживают только деятельность ФСБ, а они сидят в своей норке, как мышки, мы успокоились, а русские тем временем на базе своей милиции сумели создать эффективное подразделение. Самир не врет. Местные его обманывать не будут, это очевидно, значит, они знают, о чем идет речь... и что же мне теперь делать, господа? Сообщить шефу, что в силу обстоятельств операции придется отложить? А шеф даст «добро»? Ну конечно! Он еще спросит о моем здоровье и не переутомился ли я... и не пора ли мне в отпуск... с последующим увольнением!»

Фарух недоуменно посмотрел на твердый кругляшок теста в своих руках, затем опомнился и аккуратно положил его на край стола.

Самир усмехнулся, думал: «Делать нечего, придется помогать этому ишаку, можно промолчать, конечно, но тогда этого дурачка могут и выгнать... а он еще непростительно молод, и

если я стану для него неоценимым помощником здесь, на месте, то он мной будет дорожить... значит, надо им стать, моему сыну еще учиться надо, а это деньги... ладно».

Азербайджанец выпрямился, вытер руки салфеткой и проговорил:

– Вы правы, сейчас через пограничный мост переправлять груз опасно. Задержана и находится под следствием вся смена таможенников, из Москвы прилетела комиссия, идут повальные допросы, люди напуганы и просят нас подождать, пока все уляжется. Но какая разница, как наш груз будет доставлен? Через эту границу или какую-нибудь другую? Есть отличная дорога через Грузию в Чечню, у меня знакомые на этой трассе, можно поговорить... практически никакого риска.

Фарух поднял голову и внимательно посмотрел на своего помощника. Тот наклонился к его лицу и отдельно проговорил:

– Я имею два ранения и не хочу умереть, это вы точно заметили. Америка мою семью кормить не будет.

Фарух несколько секунд внимательно смотрел на Самира, затем кивнул, принимая его идею и извиняясь за свою сегодняшнюю ухмылку на мосту.

* * *

Начальника Северо-Кавказского РУБОПа пригласили на беседу к председателю Совета безопасности России. Ну и что? Эта организация не имела в своем распоряжении ни одного вооруженного человека и могла раздавать только советы. Приглашение генерала было похоже на вызов командира авиационного полка к политработнику высокого ранга. Да, нижестоящий командир подразделения прибудет к вышестоящему, но прямого подчинения эта встреча не имеет, и только лишь внешние условности офицерской этики не позволяют командиру полка показывать свою независимость – «у меня, мол, свое руководство есть, а тебя я слушаю только потому, что ты старше меня по званию... говори, что хочешь, я потом все равно доложу своему начальству».

Но ... вышестоящее начальство нельзя игнорировать. Поехал в Совбез. Хотел он этого или нет, но эту краткую аббревиатуру все побаивались из-за ее названия.

Генерала встретили и проводили в очень тихий, закрытый шторами от всего белого света просторный кабинет, в котором хорошо пахло. Он понял, что здесь никогда не курят. Навстречу ему из-за столика возле окна (генерал еще подумал, что хозяин кабинета прав, очень неудобно работать за громадным продолговатым столом для совещаний, чувствуется некоторый дискомфорт) поднялся невысокий человек в строгом темном костюме. Генерал присмотрелся. Хозяин кабинета неторопливо шагнул к нему навстречу. Чуть ниже среднего роста, с начавшими редеть волосами и внимательными глазами на худощавом лице. Секретарь Совбеза поздоровался с генералом за руку и показал на кожаные кресла. Усаживаясь за низкий столик и привычно качнувшись в кресле несколько раз, чтобы проверить, выдержит ли это сооружение давление ста двадцати килограммов, начальник Регионального управления слегка удивился тому, что секретарь Совбеза так откровенно его рассматривает. Обычно вышестоящие чиновники видели в генерале только машину для проведения в жизнь государственной воли, они называли его просто – «генерал» и смотрели ему в глаза только тогда, когда отдавали приказания, и уж совсем не стремились видеть в нем личность. Это было им ни к чему.

По взгляду хозяина кабинета, живому и заинтересованному, было заметно, что он ничто лишен начальственной спеси. Усмехнется, видя, как гость примеривается к креслу. Секретарь Совбеза откровенно улыбнулся и кивнул головой, понимая мысли генерала.

– Здравствуйте, господин генерал, – произнес негромко секретарь и сел поудобнее. – Сейчас чай принесут. Я знаю, вы лимон не любите.

Генерал не удивился и кивнул головой:

– Добрый день, товарищ секретарь Совета безопасности. Сейчас это модно, играть в господ, но когда я начинал служить, то называл своего начальника товарищем майором... а он меня – товарищем лейтенантом... несмотря на огромное различие в возрасте, звании и опыте, мы были товарищами.

Председатель Совбеза остро глянул на генерала и ответил:

– Хорошо. Для меня так тоже более привычно... однако давайте сразу к делу. И у вас, и у меня мало времени, так что не будем задерживать друг друга.

«Разумно», – подумал генерал.

Он никогда не видел вблизи этого человека и ничего о нем не знал, кроме общих, обычных для каждого чиновника фактов биографии. Из Петербурга... из окружения Собчака... начинал в «конторе», а сейчас совмещает пост директора ФСБ и секретаря Совета безопасности... говорят, толковый парень... вот, пожалуй, и все.

– Расскажите мне об обстановке в регионе. – Секретарь Совбеза назвал генерала по имени-отчеству. – У меня есть, конечно, информация по этому вопросу, но я решил послушать вас лично и побеседовать с вами. Репутация ведомства, которое вы возглавляете, достаточно высока, мне уже докладывали... а вот авторитет ФСБ на Кавказе совершенно утрачен... – При этих словах хозяин кабинета на мгновение нахмурился, но быстро овладел собой и продолжил: – Но мы это все исправим. Не сразу, но исправим...

Генерал взглянул на его ставшее сразу жестким лицо и почувствовал, что этот человек с негромким голосом и четким произношением приложит всю свою энергию к тому, чтобы выполнить свои обещания.

Как любой милиционер, отдавший службе около тридцати лет, генерал, конечно, знал о негласном соперничестве МВД с «соседями», как иногда называли эфэсбешников, но как государственный человек он понимал, что с помощью одной милиции в стране порядок не наведешь. Общими усилиями «известных» правозащитников и либеральных сил, появившихся неизвестно откуда и сразу набравших солидный политический вес (генералу очень захотелось сплюнуть прямо на блестящий паркет, но он, конечно, удержался), Комитет государственной безопасности Советского Союза был фактически распущен, развален, разгромлен при полном отсутствии поддержки государства. У современных реформаторов не хватило мозгов понять то, что их задачей является не только разрушение старых и действительно отживших свой век структур и институтов, но и создание новых, более эффективных систем управления и организации. Вопросы внешней и внутренней государственной безопасности не решаются сами собой, это не волны моря, которые перестанут биться в борт корабля, как только стихнет ветер, ведь ими надо заниматься!

Начальник РУБОПа вспомнил рассказ своего шофера.

28 мая, в День пограничника, генерал отправил хороший подарок «погранцам», у которых РУБОП официально выкупил часть территории и оборудовал ее под свой гараж. Видеодвойка «Самсунг» и большой телевизор этой же фирмы должны были помочь скрасить пограничникам рутину службы. Подарок повез личный шофер генерала и пара ребят из СОБРа, чтобы вынести все это добро на сцену.

Сейчас видеодвойка – это прошлый век в развитии техники, хотя и двадцати лет еще не прошло, а современная молодежь даже и представить себе не может подобную конструкцию, но знающий человек скажет, что по тем временам это был царский подарок.

Милиционеров встретили, обрадовались и торжественно усадили в зале, чтобы они присутствовали на церемонии награждений и поощрений.

Парни из РУБОПа удивились предельной скупости материальных премий, выдаваемых на этом профессиональном празднике. Самая большая премия была размером в 300 рублей, ею наградили командира части. И дальше шло по нисходящей, и даже вручали премии размером в десять рублей! Когда пограничникам начали вручать эти десятки, соборовцы уже не хлопали.

Они молча смотрели на офицеров, которые выходили и под аплодисменты всего зала принимали эти подачки. По реакции собравшихся ребята с удивлением сообразили, что пятьдесят рублей для этих людей считались пусть скромной, но неплохой суммой. Рубоповцы понимали, что такое издевательство над пограничными войсками ФСБ стало возможным не потому, что их начальство вдруг перед праздником разворовало все деньги, предназначенные для награждений, а потому, что эта некогда мощная организация, известная всей планете под названием КГБ, сейчас совершенно уничтожена и довольствуется жалкой ролью падчерицы на обеде у злой мачехи и ждет, пока ей бросят кусочек даже не пирога, а сухаря, чтобы не сдохла раньше времени...

Тогда еще водитель шепотом предложил собровцам скинуться и насобирать еще на несколько премий. Зарплата офицеров РУБОПа на тот момент была около трех тысяч рублей.

Генерал моментально вспомнил об этом эпизоде (водитель не удержался и рассказал, когда вез шефа домой) и хмуро кивнул. Хотя у него и имелись претензии к «соседям», так унижать их было нельзя.

– Сейчас мы опираемся в Северо-Кавказском регионе только на вашу организацию (генерал готов был поспорить на что угодно, что его собеседник только в последний момент удержался и не сказал – «к сожалению»), но я повторяться не буду насчет исправления ситуации... расскажите мне лучше о деятельности комиссии по освобождению заложников. Ее возглавляет Берестовский. Чем они там занимаются на самом деле и чего стоят их действия, и вообще, как все это выглядит.

Грузный седой человек в специально пошитом на заказ штатском костюме сразу все понял. Директор ФСБ хочет перепроверить свою информацию и, возможно, взглянуть на знакомую картину с другой стороны. Ведь начальник Северо-Кавказского РУБОПа на сегодняшний день отлично знал расстановку и степень значимости политических и криминальных группировок на подведомственной ему территории. Как говорится, сам Бог велел...

Генерал недобро сощурился. Берестовский... бывший заместитель секретаря Совбеза... крупнейший финансист России, уже давно мелькавший на экранах телевизоров. Человек, внезапно ставший миллиардером и известный своей близостью к «семье». Альтруист, который решил освобождать захваченных в плен россиян, выплачивая огромные выкупы чеченским бандитам из своих личных капиталов, нажитых непосильным трудом. Он возбуждал у генерала неприятное чувство. Возможно, потому, что о его сомнительных делишках начальник РУБОПа был хорошо осведомлен хотя бы в силу того, что эта организация действовала на его территории (их штаб находился в Пятигорске).

По внимательным глазам хозяина кабинета начальник единственно влиятельной силы на Юге России (не считая, конечно, опозоренную армию) понял, что действия всесильного Берестовского не у всех и не всегда находят одобрение.

«Вот и хорошо, – устало подумал генерал. – Мне он тоже не нравится... но я-то ничего не смогу с ним сделать, а вот этот товарищ, видимо, постарается».

– Берестовский мне мешает, – хмуро сказал гость и осторожно потянулся к маленькой фарфоровой чашечке. – Примерно месяц назад мои люди перехватили радиопереговоры между Арабом и Балаевым. Дело было так. Группу Араба, около сотни человек, которые переправлялись через Терек на Ставрополье, «прихватил» спецназ ВВ и армейцы. Зажали их в излучине реки и накрыли из артиллерии и минометов. Араб вышел в эфир и начал спешно молить Балаева, чтобы тот выручил его. Обещал любые деньги и все, что угодно, в обмен на то, чтобы Балаев (а он болтался недалеко от Терека, мы знали об этом) ударил бы сейчас по федералам. Мой заместитель срочно позвонил в Ставрополь, военным... мол, еще немного нажмите и Арабу конец. Ему ответили, чтобы он не лез не в свое дело, а еще через полчаса бандиты благополучно вырвались, потому что пушки внезапно замолчали... я знаю, что Берестовскому позвонили, и он вмешался в ситуацию...

Генерал зло посмотрел на чашку в руке и со стуком поставил ее на стол. Затем опомнился и виновато кашлянул. Действительно, чашка была не виновата...

– Разберемся, – тихо и недобро произнес хозяин кабинета. Он задумчиво кивнул головой:
– Что еще?

* * *

– Надо двух человек. Кавказца и русского. Они будут сопровождать Зернова в Ингушетию как охрана. Пусть едут по «гражданке»... у тебя есть что-нибудь помощнее автоматов Калашникова?

– Да сколько угодно, товарищ полковник... Когда выезд?

– Через сорок минут. Пусть ждут Зернова, он сам к ним подойдет.

– Я понял, товарищ полковник.

Командир СОБРа подождал, пока первый заместитель генерала положит трубку, и только после этого аккуратно положил на рычаг свою.

Затем он позвонил дежурному и поинтересовался личным составом, который сегодня заступил в суточный наряд.

* * *

– Мне, пожалуйста, «стечкин», «Клин», «макар», «Кедр», «ВСК», «ВСС», «изделие девять-А»... – Алексей вдруг увлекся. Неожиданно для себя он решил вспомнить, какие виды оружия хранятся в «оружейке» СОБРа. Но предпенсионный Славик молча прервал его словозвержение, сунув собровцу «ПМ» и пистолет-пулемет «Кедр».

– Едем в Ингушетию, ребята, – сказал Зернов, как только служебная «шестерка» выехала за ворота Управления. – Мне надо с одним человечком там увидеться... а по легенде мы приехали покупать оружие, если что. Мы с Алексеем из Ставрополя, а Сафар нам помогает передвигаться по Кавказу. Встреча будет один на один, вас я взять с собой не могу, сами понимаете, конспирация.

Алексей хмуро кивнул. Разумеется, тот «человечек», который «сольет» информацию, в этот момент совсем не захочет видеть рядом с собой совершенно посторонних ему людей.

– Так что... сначала в Назрань заскочим, а там по ситуации.

Алексей откинулся на сиденье и принялся бездумно глядеть на знакомую дорогу. Что и говорить, поездка не обещала быть легкой, хоть и считалась совершенно рядовой для оперативника РУБОПа.

В этой республике, вплотную граничащей с Чечней, бандиты, уголовники и боевики чувствовали себя вполне непринужденно, особенно после неудачной для России Первой чеченской кампании.

Президент Ингушетии то ли не хотел менять ситуацию, то ли не мог. По ментальности, языку и наличию оружия у населения Ингушетия совсем не отличалась от Чечни, кроме того факта, что на ее территории не было войны.

Вокруг любых боевых действий всегда вертится огромное количество людей, которые самым непосредственным образом связаны со стрельбой и убийствами. В Назрани спокойно отдыхали боевики, делали свои золотые дела поставщики продовольствия и оружия, фальшивомонетчики, здесь же можно было «выйти» на крупных торговцев нелегальным бензином или местных «авторитетов», занимающихся похищением людей. Приезд трех вооруженных человек в эту криминальную кухню России мог быть совсем незаметен и совершенно не вызывать какого-либо интереса, если только они не «засветятся» в непредвиденной случайности. Зер-

нов был опытейшим оперативником, и поэтому можно было всерьез рассчитывать, что они благополучно «сделают» свои дела и вернутся обратно.

В Назрани, маленьком кавказском провинциальном городке, внезапно ставшим столицей республики, было, как всегда, жарко, пыльно, грязно и тесно. Водители машин в редких случаях соблюдали правила дорожного движения, стремясь проскочить первым и обогнать всех, совершенно не обращая внимания ни на сплошную разделительную линию, ни на сигналы светофора. Редкие «гаишники» никого не останавливали.

На «шестерке», конечно, были ингушские номера, и поэтому Зернов нагло «подрезал» зазевавшиеся машины, втискиваясь без сигнала между ними, и пару раз проехал на красный. За ними увязалась белая, полностью тонированная «девятка», все время пытавшаяся обогнать «оперов». Видимо, Зернов серьезно задел честь и достоинство водителя «девятки», когда сделал того на светофоре. Во время очередной остановки на перекрестке Сафар опустил стекло со стороны пассажира («девятка» в это время замерла справа от него, и ее водитель нервно ударял ногой по педали «газа», заставляя дрожать машину от вибрации двигателя) и равнодушно, не поворачивая головы, задумчиво почесал себе небритую щеку коротким стволом «Кедра».

Намек был правильно понят (расследовать стрельбу в городе и искать виновных никто бы и не подумал, уровень криминала в республике был «выше крыши», в крайнем случае провели бы формальные мероприятия, и все – оружие носил каждый уважающий себя ингушский мужчина), и на ближайшем повороте «девятка» отвалила в сторону.

Зернов остановил машину на оживленной улице (недалеко был «круг» с развилкой на Осетию и Чечню) и обернулся к соборцам:

– Я пошел... вон тот дом из красного кирпича. За меня не волнуйтесь, если долго не будет. За пять минут поговорить не получится. Рацию поставлю на «тональник» и возьму «ствол». (Тональным вызовом на рации пользовались как пейджером. Набирался номер нужной рации, и японский приборчик начинал издавать резкие, хорошо слышимые сигналы. Это означало, что на связь вызывается именно та рация, чей код набрали как телефонный номер. При этом можно было абсолютно выключить звук и не напрягать внимания, ожидая, когда в эфире прозвучит твой позывной. В те времена, когда сотовые телефоны были только у полевых командиров, больших начальников и у иностранцев, такие свойства «умной» рации были по достоинству оценены оперативниками, и начальник Управления, который «выбивал» финансирование в Москве, в очередной раз вспоминался добрым словом.)

Зернов проверил, легко ли выдергивается пистолет (в конце девяностых рынок уже успевал за потребностями военных, купить можно было все, что угодно, особенно на вещевых базарах Грозного и Моздока. Поэтому Боря приобрел наплечную кобуру, из которой пистолет не выхватывался по прямой, как обычно, а «выламывался» удобным движением кисти вниз. Такой способ позволял сэкономить доли секунды, что могло в огневом контакте сберечь жизнь).

Затем вздохнул, убрал пистолет обратно, закурил сигарету и не спеша вылез из машины. Покрутившись возле дома, «опер» выбросил «бычок» и, не оглядываясь, вошел в деревянную высокую калитку.

Алексей устроился поудобнее, так, чтобы ему было видна улица в зеркальце заднего обзора, слегка откинул спинку сиденья и принялся равнодушно ждать. Сафар протянул руку и со своей стороны утопил вниз все кнопки на дверях, которые открывали замки. Молча то же самое сделал и Алексей. Они были уже опытные бойцы, десятки раз участвовали в захватах и знали, что обычно водитель во время стоянки машины никогда не закрывает дверцы, если сам находится в салоне. Сколько раз они пользовались этим... обычно на легковой автомобиль «работали» трое соборцев, если позволяла ситуация. Первый на прикрытии, второй открывает заднюю дверь и блокирует водителя или пассажира на переднем сиденье, удерживая того в удушающем захвате, а третий уже надевает задержанному наручники и вытаскивает вон.

В таком «спокойном» городке, как Назрань, в 1999 году могло произойти все, что угодно, поэтому собровцы, внешне совершенно расслабленные, внимательно наблюдали за ситуацией на оживленной улице (улицу они умели «читать», но только на предмет возможной засады и готовящейся к захвату группы, в этом они разбирались) и в любую секунду готовы были применить оружие на поражение.

Они изредка перебрасывались ничего не значащими словами и постоянно оглядывались. Было тепло, светило солнце и в воздухе висела мельчайшая пыль, поднятая проезжавшими машинами. (Эта же пыль, смешанная с водой, зимой и осенью покрывала всю почву, создавая ощущение вечного, не просыхающего болота.)

Состояние улиц было отвратительное, чувствовалось, что администрации города нет до них никакого дела, и Назрань была непозволительно грязна для столицы республики. Мимо них медленно текла пестрая, не слишком разнообразная людская толпа. Вот по тротуару идут девушки в красивых платках и платьях или юбках ниже колен, симпатичные и веселые. Вот компания молодых людей с короткими мусульманскими бородками на худощавых лицах. Они идут, громко разговаривая между собой и не на кого не обращая внимания. У одного из них, крайнего справа, Алексей заметил характерную выпуклость пистолета под летней рубашкой. Еще один из этой компании, очевидно, немного поумнее остальных, несмотря на теплый день набросил на плечи пиджак, чтобы его оружия не было видно.

Сафар обернулся к Алексею, и тот понимающе кивнул.

– Наверное, уже повоевали, сволочи, – негромко проговорил Чижов и уперся ненавидящим взглядом в спину того, кто был в пиджаке. – Уверенно носят оружие, знают, что за них есть кому заступиться... боевики скорей всего.

– Наверное, – пожал плечами Сафар. – Отсюда до Чечни километров сорок по трассе, и они заезжают сюда свободно, они сейчас герои, которые отстояли свою республику от гяуров... а может, это и ингуши.

– Может быть, – пробормотал сквозь зубы Алексей.

(Оба собровца, как уже пожившие на Кавказе долгое время люди и изъездившие его вдоль и поперек, могли, конечно, отличить язык одной крупной кавказской национальности от другой и назвать место рождения человека, но вот различить родственные языки (например, ингушский и чеченский) для них было сложно.)

Алексей и Сафар фиксировали любое событие в пределах видимости, которое заслуживало их внимания. Они отслеживали все машины, которые останавливались недалеко от них, и все группы мужчин среднего возраста, проходящих мимо или находящихся на незначительном расстоянии. Все это делалось автоматически и с должным прилежанием. Формально они находились на российской территории в мирной республике, и сами они были граждане России, но вот попасть в плен (год назад двух «оперов» Управления в аналогичной ситуации захватили в этом же городе) к своим соотечественникам им совсем не хотелось. Или быть расстрелянными прямо в «шестерке».

Вот идет пожилая семейная пара. Старик, даже в теплый день, одет в старые, еще пятидесятых годов, галифе и запыленные хромовые сапоги, важно вышагивает впереди пожилой женщины с тростью в руках. На голове у него невысокая папаха, а голова женщины повязана платком. В руках она тащит тяжелый вместительный черный пластиковый пакет с надписью «БМВ» и еле поспевает за своим мужем. Она одета в темное длинное платье, и видно, что устала. Вот старик внезапно принимает решение перейти улицу как раз перед машиной оперативников. Он медленно перешагивает через невысокий бордюр и вступает на проезжую часть. По сторонам он неглядит. Тут же все движение на улице замирает. Только что несущиеся машины затормаживают с визгом колес прямо перед пешеходом, но старый ингуш даже не поворачивает головы. Не оглядывается он и на свою жену. Он медленно, шаркая ногами в высоких сапогах, наконец-то переходит улицу. Женщина с застывшим от усталости лицом идет вслед за ним,

тоже не обращая ни на кого внимания. Никто из водителей не сигнализировал и ни одна дверца не открылась, чтобы посоветовать старику побыстрее шевелить своими «булками». Пробка образовалась изрядная, дед переходил улицу как раз там, где не было светофора, но он шел, как по тропинке, ведущей к своему дому.

Алексей усмехнулся. Вот оно, уважение к старшему. Но это на Кавказе... А что было бы в России?

Сафару он ничего не сказал. В СОБРе споры и даже размышления на тему «лица кавказской национальности и их отношение к русским или наоборот» никогда не возникали, просто хотя бы потому, что офицерам приходилось постоянно вместе рисковать жизнью независимо от национальности. Вот и сейчас кабардинец и русский, два разных человека, выросшие и воспитанные в семьях, которые отличались друг от друга во всем, кроме понятий о честности и порядочности, знали, что в случае опасности они могут рассчитывать друг на друга. Они знали это оба, поэтому проводили глазами старика, пока он не скрылся за поворотом переулка, подумали об одном и том же и оба промолчали.

Через долгий томительный час (Алексей вздрогнул) в рации резко запищал «тональник» вызова. Сафар схватил ее и поднес к своим губам:

– Слушаю, я Второй.

– Я Первый... – отозвался Зернов. – Как там у вас?

– Нормально... ты как?

– Придется еще ждать.

Если на лицах собравшихся отразилась сдерживаемая досада, то в голосе Сафара она никак не чувствовалась:

– Ладно... тогда мы за водой сходим, здесь я кафе недалеко вижу.

– Давайте... и аккуратнее там.

– На связи, если что.

Зернов отключился.

– Чего они там рассусоливают? – пробормотал Алексей. – Давно бы уже все решили.

– Может, ждут кого-то...

Алексей вздохнул. Оперативная работа полна неожиданностей и случайностей, все предусмотреть невозможно, и это ожидание может затянуться на долгое время. А может, встречи не будет, и они приедут сюда еще завтра. Всего-то два часа в дороге... ерунда для оперативных машин...

– Я за водой, – проговорил Сафар и вылез из машины. Алексей последовал за ним. Оставлять своего напарника одного было нежелательно.

Они закрыли машину, перешли на другую сторону улицы и зашли в темное тесноватое кафе, в котором пахло шашлыком. В маленьком зале, в котором стояло всего пять столиков, застланных обыкновенной цветастой клеенкой, никого не было.

Алексей оглянулся, потянул носом и подумал о еде.

– Слушай, давай что-нибудь съедим, а? – проговорил он. – Неизвестно, сколько еще ждать. Может, до вечера.

Эта невеселая перспектива тоже была понятна Сафару, он знал, что об обеде им придется позаботиться самим.

– Ну, давай, – после короткого раздумья кивнул он и отодвинул стул.

К ним уже вышла полноватая темноволосая женщина с аккуратно повязанной косынкой на голове.

Алексей глянул на Сафара.

– Добрый день, – поздоровался кабардинец.

Официантка посмотрела на него, пытаясь понять по выговору, кто он по национальности, и улыбнулась:

– Здравствуйте... что будете кушать? Как обычно, мужчинам требуется мясо? Шашлык...

«Ингушка или чеченка», – подумал Алексей, услышав ее мелодичный акцент с характерным ударением на первом слоге. Он решил, что разговаривать с ней будет Сафар. Он не хотел, чтобы в нем узнали русского. На всякий случай.

Сафар вопросительно посмотрел на своего товарища. Алексей поморщился. Вряд ли в этом заведении делают хороший шашлык... рядом трасса, все рассчитано на то, что люди не будут долго задерживаться...

– Что на первое? – спросил Сафар, зная вкусы своего напарника. Чижов всегда старался есть что-нибудь жидко-горячее, в то время как он сам не упускал возможности уничтожить хорошую порцию шашлыка, даже невзирая на отсутствие хлеба.

– Есть солянка.

– Вот ему солянку. А мне шашлык. И две бутылки лимонада принесите.

Женщина кивнула головой и ушла в подсобное помещение.

Алексей поудобнее поправил «Кедр» под курткой и закурил.

Они только осмотрели принесенную им еду и склонились над тарелками, как дверь в кафе резко распахнулась.

Алексей поднял голову.

На крыльце громко заговорили несколько человек, послышался грубый смех, топот ног, и тот, который открыл дверь, посторонился, чтобы пропустить в кафе четырех своих приятелей.

В маленьком зале сразу стало тесно.

Первым вошел седоватый мужчина среднего роста, в светлой рубашке и темных брюках. Он остановился на середине помещения, упер руки в бока, внимательно посмотрел на сидевших собровцев и громко проговорил:

– Салам алейкум!

– Ва-алейкум ассалам! – ответил ему Сафар. Алексей повторил эту фразу и отвернулся. Он успел поймать особый сосредоточенный взгляд этого человека.

(Обычное кавказское приветствие было вежливой традицией в подобном случае, как и русское «всем доброго здоровья!» при входе в место, где находятся единоверцы. Разумеется, никому и в голову не придет здороваться при входе в ресторан в крупном мегаполисе, но на Кавказе, в маленьких городках, этот обычай еще сохранился.)

Алексей выругался про себя. Не надо было им оставаться. Вошедшие были пьяны, это сразу бросалось в глаза. Теперь просто так не уйдешь... Наверняка потащат за свой стол, будут угощать, полезут с ненужными вопросами. После секундного размышления Алексей встряхнулся и решил на это наплевать. Люди везде люди, и вряд ли собравшиеся здесь будут затевать серьезный скандал. Собровцы вооружены, так что в случае чего смогут оказать сопротивление. Никто свою грудь под пули подставлять просто так не будет... ладно, посмотрим... может, и обойдется.

Приняв такое решение, Алексей успокоился и принялся неторопливо работать ложкой. Он только слегка развернулся на стуле в сторону шумных гостей, чтобы в случае опасности заметить их любое движение хотя бы боковым зрением.

Пока вновь прибывшие шумно рассаживались и одновременно громко разговаривали с хозяйкой кафе, делая заказ, ребята успели быстро поесть и только собрались вставать, прихватив с собой лимонад, как кто-то из гостей протянул руку и бесцеремонно, не спрашивая разрешения, потащил к себе за спинку стул из-за их столика.

Сафар, даже не осознавая, что делает, протянул руку и поставил легкий стул обратно. Вставать и уходить он передумал. Алексей изумленно глянул на друга и тяжело вздохнул.

Ингуш уже осмысленно посмотрел на кабардинца, удивился и разозлился. Ему невозможно было отступить, а извиниться и облечь свою просьбу в вежливую форму даже не при-

шло в голову. Он, чувствуя, что уже обратил на себя внимание своих товарищей, снова вторично протянул руку к стулу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.